

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-4

Исследовательская статья

Савеличева И. Н.
Научное руководство
Шаповалова И. С.

Политическая культура региональной молодежи

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
valieva@bsuedu.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Политическая культура молодежи является важным аспектом анализа в условиях геополитической нестабильности, выступает индикатором рефлексии в молодежном пространстве политических событий разного уровня. Целью статьи является рассмотрение показателей политической культуры молодежи в контексте геополитической нестабильности и определение их рискованных значений, способных трансформироваться в проблемные модели политического поведения. В статье проанализированы результаты исследования 2021-2022 года, посвященного изучению политической культуры и мышления региональной молодежи, респондентами онлайн опроса стала молодежь Белгородской области в количестве 4215 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов. Определено, что региональная молодежь оценивает свой уровень политической культуры как достаточно низкий, а свою политическую активность как невысокую. Основой для оценки политических решений становятся человекомерные ценности, связанные с качеством жизни и безопасностью. Политические жизненные планы не важны для молодежи на фоне других жизненных стратегий, но при этом отмечаются достаточно высокие политические амбиции не менее чем у 13% молодых людей. Совокупность показателей политической культуры молодежи обусловила риски, которые реализовались в региональной среде в условиях геополитических изменений 2022-2025 года: были проявлены политическая дезориентация и дезадаптация, политическая исключенность, повышение молодежной миграции, сужение горизонта планирования. По итогам исследования обозначена проблема невнимания социальных институтов к формированию и повышению уровня политической культуры молодежи.

Ключевые слова: молодежь; политические стратегии; политическая культура; политические ценности; политические диспозиции

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Информация для цитирования: Савеличева И. Н. Политическая культура региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-4.

Research article

Irina N. Savelicheva
Scientific supervision
Inna S. Shapovalova

Political culture of regional youth

Belgorod State National Research University
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
valieva @bsuedu.ru

Belgorod State National Research University
78, Preobrazhenskaya Str., Belgorod, 308000, Russia
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. In the context of geopolitical instability, the political culture of youth is an important aspect of analysis, acting as an indicator of reflection on political events at different levels within the youth space. The purpose of the article is to consider the indicators of the political culture of youth in the context of geopolitical instability and determine their risk values that can transform into problematic models of political behavior. The article analyzes the results of the 2021-2022 study devoted to the study of the political culture and thinking of regional youth, the respondents of the online survey were 4215 young people of the Belgorod region, the sample is quota in relation to gender, age, type of settlement and territory of residence of respondents. It was determined that regional youth assessed their level of political culture and their level of political activity as quite low. The basis for assessing political decisions are human-measured values associated with the quality of life and security. Political life plans are not important for young people against the background of other life strategies, but at the same time, quite high political ambitions are noted among at least 13% of young people. The totality of indicators of the political culture of youth determined the risks that were realized in the regional environment in the context of geopolitical changes in 2022-2025: political disorientation and maladaptation, political exclusion, increased youth migration, and a narrowing of the planning horizon were manifested. The results of the study identified the problem of social institutions' inattention to the formation and improvement of the level of political culture of youth.

Keywords: youth; political strategies; political culture; political values; political dispositions

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic "Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space".

Information for citation: Savelicheva, I. N. (2025), "Political culture of regional youth", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-4.

Введение (Introduction).

Политическая турбулентность российского пространства и непредсказуемость политических реакций молодежи в условиях геополитической нестабильности сформировали запрос, обращенный к государственной молодежной политике, связанный прежде всего с ее функцией в формировании политической культуры, сознания и мышления молодежи России. Вопросы, на которые стремились ответить, в том числе и известные ученые-юнологи, связаны с молодежной рефлексией, восприятием политических событий, прогнозированием молодежного поведения. Все это относит исследователей в поле изучения политической культуры молодежи, трансформирующейся в последствии в ее осознанный или интуитивный политический выбор и политическую самоидентификацию.

Политическая культура молодежи представляет собой одновременно синтез результирующих воздействий институтов социализации и рефлексии на геополитическую ситуацию и системную политическую культуру российского общества. Таким образом, показатели политической культуры молодежи становятся маркером, отражающим внимание к ней и ее воспитанию и оценкой отношения к действительности. В этой связи актуализируется важность исследования политической культуры молодежи в динамике и хронотопе политических событий, а также создания фундамента прогнозирования поведения молодежи в условиях социальных рисков политической трансформации.

Целью статьи является рассмотрение показателей политической культуры молодежи в контексте геополитической нестабильности и определение их рискованных значений, способных трансформироваться в проблемные модели поведения.

Методология и методы исследования (Methodology and

methods). Политическая культура молодежи, как научное понятие, имеет неоднозначную трактовку. Так, О. В. Шупленков и Н. О. Шупленков под политической культурой понимают систему представлений, убеждений, установок, моделей поведения людей, просматривающейся в исторически сложившемся, относительно устойчивом опыте предшествующих поколений, проявляющихся во взаимодействии акторов политического процесса и обеспечивающих функционирование политической жизнедеятельности общества на преемственной основе. В качестве зрелой политической культуры авторы называют такие показатели, как высокий уровень общего образования и культуры, прочные всесторонние политические знания, ставшими личными убеждениями, заинтересованное отношение к политике, активное участие в политической жизни, способность самостоятельно ориентироваться и принимать решения, адекватные и законные средства, методы и навыки политической деятельности (Шупленков, Шупленков, 2013). Политическая культура, по мнению авторов, имеет ряд характерных черт (скорее даже функций): закрепляет устоявшиеся, повторяющиеся связи, отношения между составными частями политического процесса, сохраняет стабильные стороны политического опыта; является результатом исторического формирования общества, итогом политического коллективного труда; имеет тотальный характер, политические отношения «пронизаны, насыщены, пропитаны» политической культурой; характеризует политическое поведение и сознание большей части населения и не сводится к сумме политических субкультур. Им же удалось отметить отличие именно молодежной политической культуры, под которой ученые понимают «зафиксированный в традициях и нормах политический опыт молодежи; уровень ее

морально-нравственных, ценностных представлений о политической власти и взаимоотношениях государства и общества, которые выражаются в соответствующей деятельности институтов власти; совокупность типичных форм мышления и поведения молодежи в публичной сфере, создающих преемственность политического развития социума, а также способность оценивать явления общественной жизни и занимать определенную политическую позицию, которая выражается в конкретном социально-политическом функционировании» (Щупленков, Щупленков, 2013).

Несмотря на, что данное определение кажется нам всеобъемлющим, интересны и позиции других исследователей – так, по мнению Л. А. Погосян, политическая культура молодежи одновременно принадлежит и к системе социально-политических отношений, и к системе культуры. Как составляющая политической системы общества она отражает степень политической зрелости и социальной активности молодежи политических отношений. Как часть культуры общества политическая культура – накопленный потенциал, опыт того или иного социума, который раскрывает процесс формирования и реализации сущностных сил молодого человека в процессе его политической деятельности. Следовательно, политическая культура молодежи может быть понята через рассмотрение качественных характеристик политической деятельности, проявляющихся в уровне компетентности, активности, сознательности участвующих в ней людей (Погосян, Гражданкина, 2014).

Отдельно в научной периодике стоит вопрос и даже дискуссия о структуре политической культуры. Например, И. В. Вицентий выделяет 2 уровня её реализации: уровень сознания и уровень поведения: «первый уровень представлен разнообразными политическими

представлениями, мифами, стереотипами, политическими ценностями и убеждениями, политическими оценками и т. п., которые бытуют в рамках конкретной политической системы. Второй уровень представлен разнообразными формами политического поведения граждан, которые можно условно дифференцировать в 2 группы: политический абсентеизм и политическая активность. Последняя, в свою очередь, представлена разнообразными формами электоральной активности, протестной активности, вовлеченностью в деятельность общественно-политических объединений и т.д.» (Вицентий, 2014). А И. Г. Долинина видит в политической культуре сочетание трех структурных компонент: политического опыта, политического сознания и политического поведения (Долинина, 2010).

В научном дискурсе вопрос политической культуры молодежи исследуется достаточно широко (Бухнер, 2017; Чекмарёв, Дорофеева, 2012; Акаев, 2016; Колпаков, 2017; Умарова, 2011; Сафонова, 2015), так как она имеет целый ряд выраженных эмпирических индикаторов, с которыми сталкиваются ученые, воспринимается как результат целенаправленного действия институтов социализации, что позволяет связать ее с эффективностью их деятельности: «политическая культура молодежи есть совокупный результат обучения и воспитания, представляющий собой комплексную характеристику освоенного обучающимися политического опыта, сформированного политического сознания и в соответствующей мере происходящего и предстоящего в будущем конвенционального политического поведения, при доминирующих признаках: заинтересованности в решении существующих общественно-политических проблем, подготовленности к политическому участию в жизни общества, способности взаимодействовать с государственными институтами»

(Долинина, 2011). Особенно часто исследователи обращаются к изучению политической культуры студенческой молодежи, оперируя к ее прогрессивности и перспективах включения в человеческий капитал страны (Вилков, Богданов, 2011; Кудрявцева, 2016).

В рамках статьи мы постараемся верифицировать показатели тех элементов политической культуры молодежи, которые выделяют ученые, отразив их проблемных контекст в условиях зарождающегося политического кризиса (исследование выполнено в 2021-2022 году (ноябрь-январь), в преддверии геополитического конфликта между Россией и Украиной). Особый упор в анализе будет сделан на показатели политических коммуникаций, мотивации политического выбора (в том числе и ценностный аспект), политические диспозиции, политическую идентификацию и политические стратегии молодежи. В качестве исследовательского пространства определена территория Белгородской области – региона России,

имеющего достаточно высокие показатели качества жизни, но при этом оказавшего в ситуации повышенного риска прифронтовой реальности. Данные обстоятельства позволили увидеть риски в показателях политической культуры, которые стали проявляться в условиях последующей эскалации политической нестабильности.

Исследование основано на результатах массового опроса региональной молодежи в возрасте от 16 до 35 лет (Белгородская область), осуществляемого в условиях стихийной выборки методом онлайн-опроса с использованием целевого рекрутинга, с соблюдением репрезентации по полу, возрасту и типу поселения. Отдельной контролируемой характеристикой выборки стало распределение молодежи по группам учащейся, студенческой и работающей. Ремонт выборки осуществлялся по репрезентации демографических характеристик, а также качественному признаку (выбраковка по фейковым ответам на открытые вопросы).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Table 1

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
16-17	2018	47,9
18-21	853	20,2
22-25	637	15,1
26-30	350	8,3
31-35	357	8,5
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	1977	46,9
женский / female	2238	53,1
Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Средний город, областной центр / Medium-sized city – regional center	1844	43,7
Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	1361	32,3
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	810	23,9

Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Обучаются в школе, гимназии, колледже, училище / They study at school, gymnasium, college, vocational school	1523	36,1
Обучаются в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	1714	40,7
Работают / They are working	783	18,6
Окончили учебное заведение, но временно не работают / Graduated from an educational institution, but are temporarily unemployed	195	4,6
Итого ответивших / Total number of respondents	4215	100,0

Полные результаты исследования, а также их сравнительный анализ с тематическими исследованиями политических стратегий молодежи, были представлены в публикациях коллектива Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета (Шаповалова, Валиева, 2024; Шаповалова, Валиева, 2022a; Шаповалова, Валиева, 2022b; Шаповалова, 2022; Певная и др, 2022).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Важным элементом политической культуры, истоком ее формирования, является политическая коммуникация молодежи, а также та ее часть, которая организуется вокруг политических событий, смыслов и выборов. Политическая коммуникация является основой политической социализации, которая непосредственно влияет на формирование политической культуры молодежи. Исследование, проведенное автором статьи, позволило определить некоторые особенности такой коммуникации молодежи региона. Так, большая часть политических тем не вызывает особого интереса у молодежи, но

к региональной, внутренней и внешней политике России примерно 40% молодежи проявляют достаточно высокое внимание.

Такой ракурс может быть опосредован сменой идеологической парадигмы: глобализация, до недавнего времени считавшаяся ориентиром для цивилизации, сменилась на локализацию (в том числе и по причине геополитического кризиса), что снизило интерес к внешним политическим событиям, но усугубило его к политическому действию и политикам внутри государства. Более 20% молодежи интересуются экспертным мнением и мнением оппозиционных структур. Данный последний факт одновременно показывает не только группу молодежи с полярными взглядами, но и механизм политического мышления, связанный с критическим восприятием действительности (необходимостью понимания и знания разных точек зрения на политические события) (Рисунок 1). Такая дислокация в политической коммуникации в последствии обусловила возникновения рисков, связанных с получением разнонаправленной политической информации, усугубившей внутренний конфликт политического сознания молодых людей.

Политические интересы молодежи
/ Political interests of youth

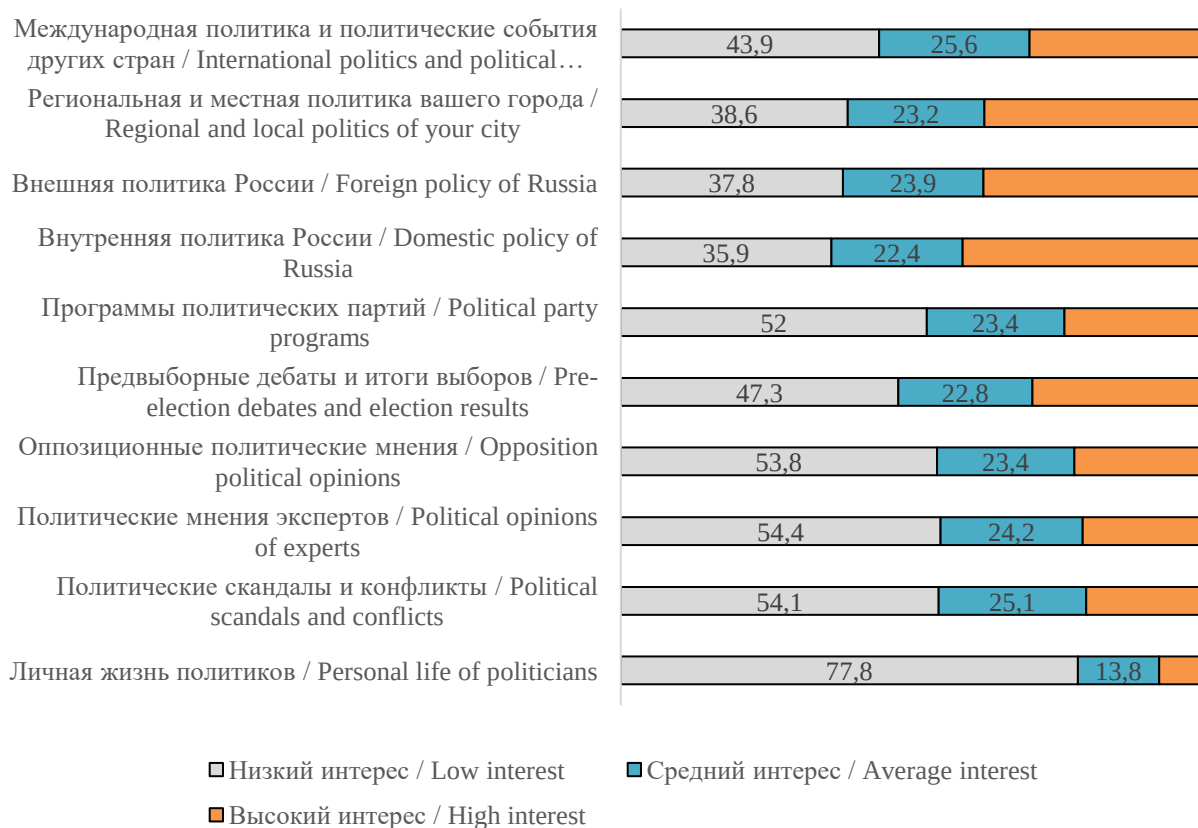

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос «Насколько Вас лично интересует?»
Figure 1. Respondents' answers to the question "How much are you personally interested in?"

Ценности, которых придерживается молодежь, становятся основой выбора политической позиции и оценки политической ситуации и решений. Мировоззрение молодежи в своей основе имеет 10 политических ценностей высокой разделяемости (выше 80%), среди которых: качество жизни, безопасность, забота о человеке, справедливость, права и свободы человека, законность, свобода, мир, прогресс, порядок. Топ-3 ведущих ценности формируют человекомерный акцент требований к политике и ее смысл, далее идут либеральные и демократические принципы, в конце этого рейтинга ведущих ценностей располагаются, по сути, системные требования к государственному

устройству. Данные ценности дают ту канву, которую видит молодежь в качестве основы политических решений, те критерии, которые становятся определяющими факторами для осуществления ею политического выбора (см. Рисунок 2).

Самооценка показателей политической культуры позволила увидеть ее проблемные лакуны. Молодежь критично оценила свои знания и понимание политических процессов, свое политическое участие в них и способность вести политический диалог. Самой высокой оценки заслужила политическая толерантность, хотя ее уровень как высокий оценили только 20,8%.

Ранги ценностей, важных для молодежи
/ Rankings of values important to young people

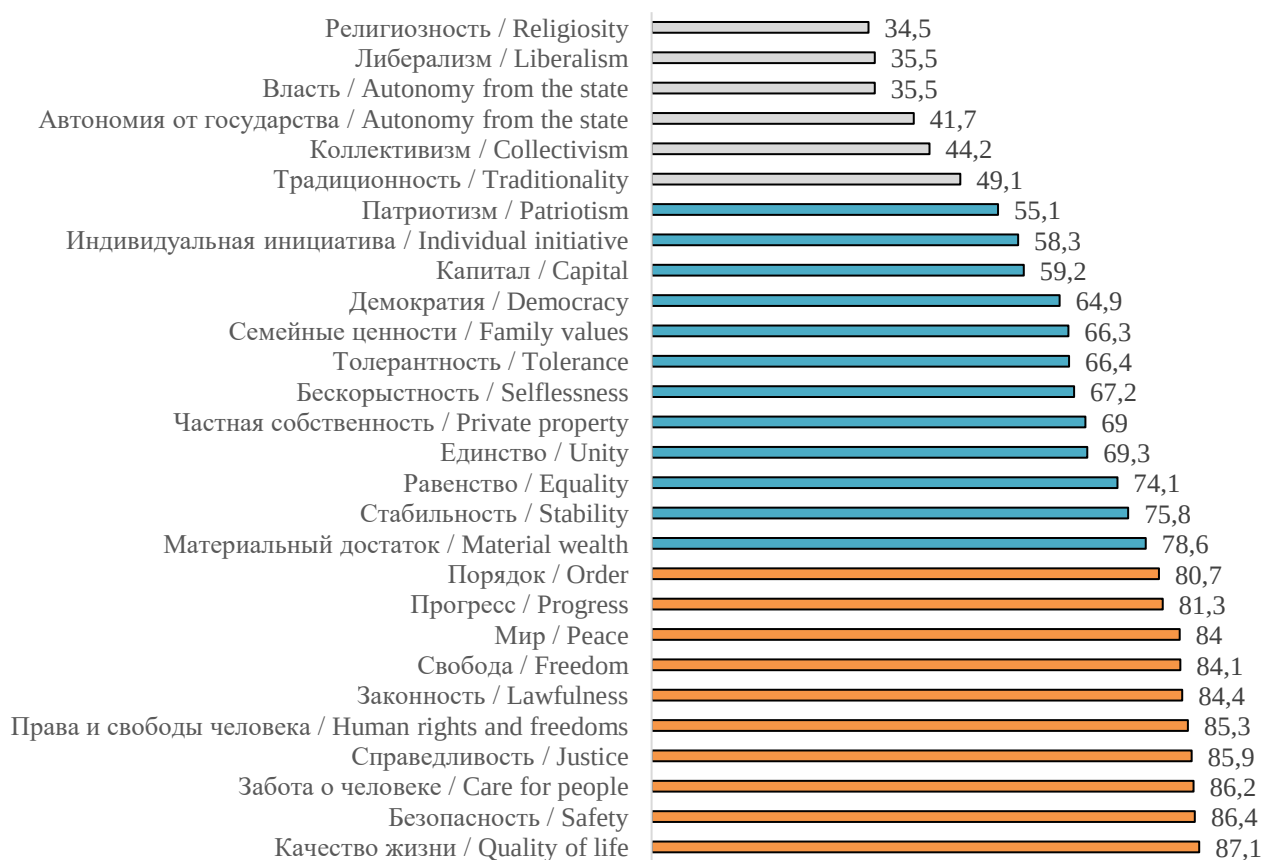

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Какие из перечисленных ценностей для Вас наиболее важны?»

Figure 2. Respondents' answers to the question "Which of the listed values are most important to you?"

Анализируя низкие оценки, мы видим, что самый проблемный показатель, формирующий политическую культуру – это политическое участие, его уровень оценили, как низкий 59,0% (Рисунок 3).

И здесь есть еще один момент, на который стоит обратить внимание – допустим, в нашей системе политической социализации не предусмотрено формирование политических знаний, политический интерес является индивидуально формируемой величиной, но политическая толерантность, как основа бесконфликтного, не экстремистского общества, как часть системной толерантности, должна

формироваться в рамках воспитательных мероприятий институтов социализации. Соответственно, данный показатель не является целенаправленно формируемым ни в школе, ни в вузе. Этот факт указывает на риски, повышения экстремизации, что в условиях политического конфликта становится реальной угрозой (с которой столкнулись российские регионы в условиях повышенного миграционного потока с сопредельных территорий).

Самооценка показателей политической культуры в разрезе участвующих в исследовании групп дала возможность увидеть их контур для молодежи разных статусов и поселений.

Самооценка показателей политической культуры молодежи
/ Self-assessment of youth political culture indicators

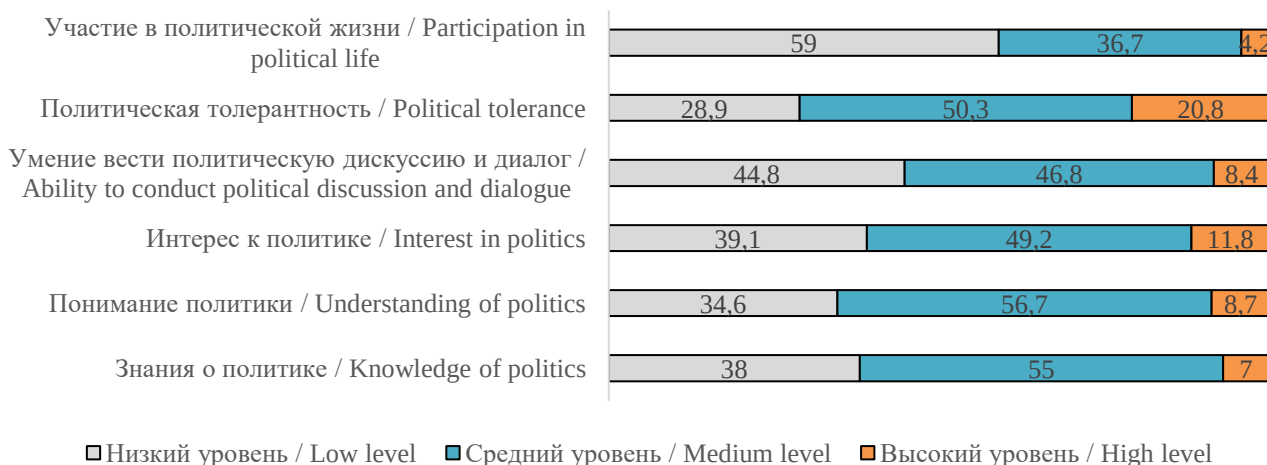

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили себя?»
Figure 3. Respondents' answers to the question "How would you rate yourself?"

Так, для городской молодежи показатель политического участия и умения вести политическую дискуссию выше, толерантность и понимание политики лучше представлены для молодежи деревень. По всем показателям, кроме умения вести политическую дискуссию, учащаяся молодежь оценивает себя выше – возможно здесь мы имеем дело с юношеским максимализмом. В дискуссии приоритет сохраняется за студенческой молодежью.

Невысокий уровень всех показателей политической культуры актуализирует внимание к данному вопросу – неуправляемое формирование данного ментального образования (а именно так можно оценить столь низкие оценки показателей) приводит нас к мысли о стохастичности развития политической культуры молодежи, акторами социализации здесь скорее выступают политические события, мнения (в лучшем случае – экспертные), в то время как формальные институты социализации не регулируют данный процесс.

Важным элементом оценки политической культуры являются политические мотивы и цели, которые молодежь фиксирует в отношении политической деятельности. В

проведенном исследовании политические цели были оценены молодежью с позиции двух ракурсов – деперсонифицировано и персонифицировано. Эти оценки во многом различны. Оценивая цели других людей, стремящихся в политику, молодежь устанавливает следующие приоритеты: первичность реализации собственных идей (46,1%), обогащение и заработок (41,3%), донесение взглядов до общественности (37,6%). Среди тех целей, которыми наделяют современных политиков молодые люди, почти 30% указывают, в том числе, и на желание сделать политическую карьеру, поспособствовать прогрессу и развитию, служить обществу, представлять интересы народа (см. Рисунок 4).

Эти целевые пики не сохраняются в выборе личных целей включения в политическую деятельность: не в первой тройке остается мотив реализации собственных интересов, полностью уходит из списка приоритетов обогащение и заработок, а вот трансляция обществу собственных интересов и взглядов наоборот, получает приоритет (но, по сути, остается в целевом ряду на третьем месте). Целевыми пиками становятся желание поспособствовать прогрессу и развитию и служить

интересам народа. Почти 30% считают важным пресечь коррупцию и махинации и участвовать в политической жизни страны (см. Рисунок 4). Такой целевой разрыв косвенно указывает на оценку политических деятелей – в силу непогруженности большинства молодежи в политику, такую оценку они дают тем презентуемым образам, действиям и решениям, которые видят «невооруженным взглядом» – в том

небольшом поле политического интереса, который, как правило, сопряжен с новостной повесткой.

Хотя эгоцентричные и несоциальные цели выбираются меньшинством молодых людей, практически все они получают более 10% выборов. Особенно заставляют задуматься показатели 15,4% (обогащение и заработок), 13,8% (реализация амбиций), 10,7% (установление нужных связей).

Оценка целей политического участия
/ Assessing the goals of political participation

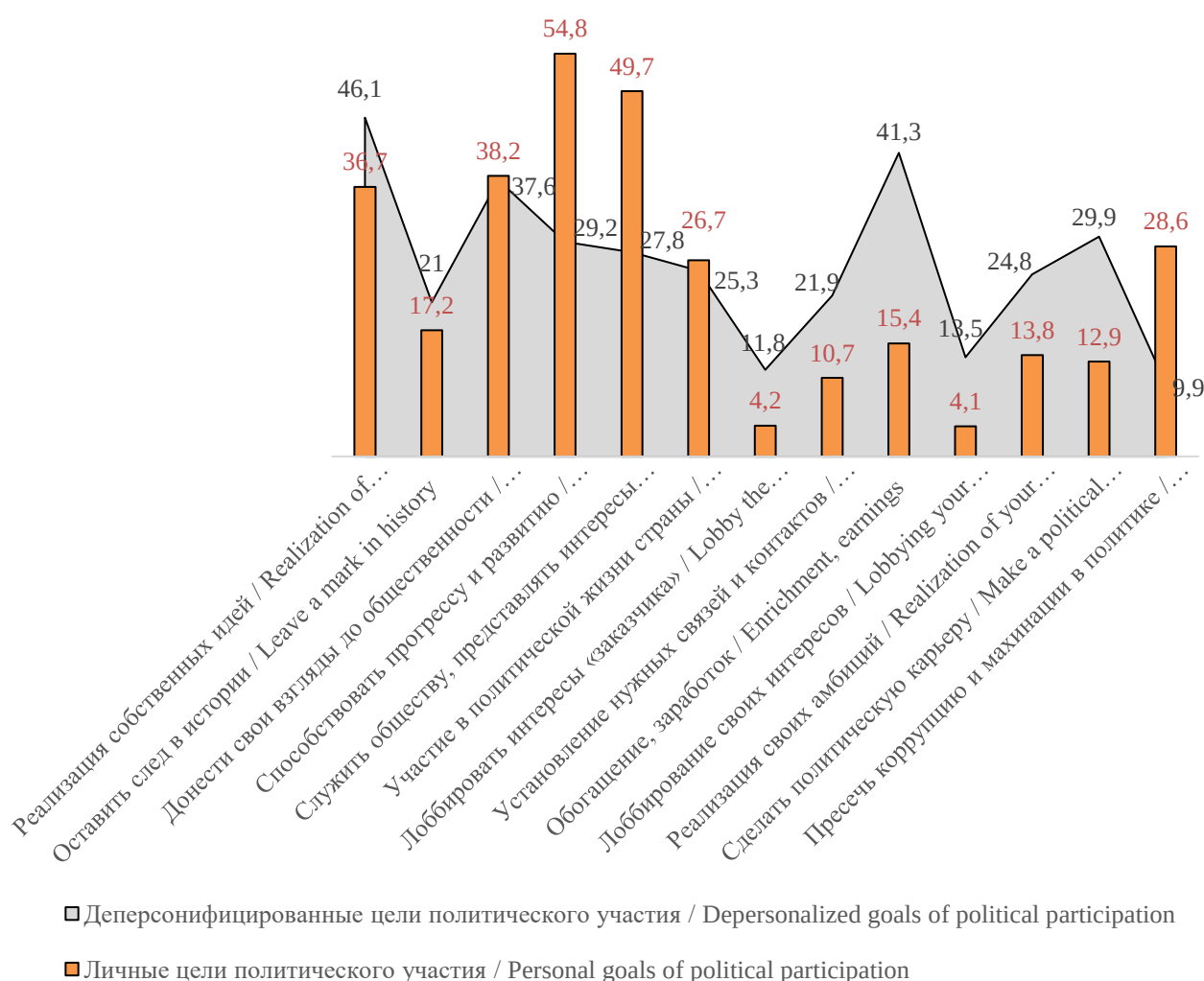

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопросы
«Как Вы считаете, с какими целями люди идут в политику?» и «Если бы Вы шли в политику
(или Вы уже идете в политику), какая бы цель двигала вами?»
Figure 4. Respondents' answers to the questions "What do you think are the goals for which people
go into politics?" and "If you were to go into politics (or are you already going into politics),
what goal would drive you?"

Рассматривая целевые ориентиры для разных групп молодежи, мы видим, что существуют определенные целевые акценты, которые дает конфигурация политического целеполагания в каждой социальной группе. Так, для городской молодежи больше, чем для сельской важны в политике реализация таких целей как способствовать прогрессу, пресечь коррупцию и махинации, но одновременно с этим и устанавливать нужные связи и контакты, сделать политическую карьеру. А для сельской молодежи есть приоритет по выборам реализации собственных идей,

желанию донести свои взгляды до общества. Учащаяся молодежь более других групп желает реализовать собственные идеи, оставить след в истории, донести свои взгляды обществу, но также более других ориентирована и на обогащение, реализацию собственных амбиций; студенческая молодежь хотела бы больше чем остальные группы способствовать прогрессу, участвовать в политической жизни страны; работающая молодежь дает больший процент выборов в отношении целей служения обществу, пресечения коррупции и махинаций.

Политическая активность молодежи
/ Political activity of youth

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Как можно определить Вашу политическую активность?»

Figure 5. Respondents' answers to the question: "How can your political activity be defined?"

Политическая культура молодежи влияет на ее политическую самоидентификацию, определение своего политического статуса и диспозиции. В рамках исследования были выделены пять типов политического статуса на основе политической активности: политически вовлеченный тип (5,1%), погруженный тип (15,1%), пассивный (слабо интересующийся) тип (превалирующее большинство 41,4%), индифферентный

тип (22,3%), и исключенный тип (16,0%). Таким образом, условно политически пассивными могут считаться практически 80% молодежи (Рисунок 5).

В разрезе молодежных групп, участвовавших в исследовании, можно сказать, что, политически вовлеченный тип чаще встречается среди сельской молодежи, погруженный тип скорее характерен для молодежи, проживающей в среднем городе. Пассивный тип вообще

более представлен среди городской молодежи, индифферентный и исключенный – среди сельской. Есть определенный риск воспроизводства неравенства относительно включенности в политическую жизнь, приобщенности к политическим процесса, через поселенческие модели. Если говорить о модели занятости и образования, то чаще вовлеченный тип выявляется среди учащейся молодежи, и в противовес ему также более представлены среди этой группы индифферентный и исключенный тип, а вот погруженный тип наиболее характерен среди работающей молодежи, как в прочем, и пассивный тип.

Политические позиции молодежи, как отдельный показатель, остаются неизменными на протяжении последних 5 лет – либеральная позиция является доминирующей по отношению к остальным, второй в этом списке становится демократическая позиция, все остальные политические акценты (как правило связанные с принципами ведущих партий) не набирают и 10%.

Самоидентификация молодежи в условиях и в пространстве политического выбора России напрямую связана с отождествлением своих интересов с принципами и деятельностью партий, представленных в политическом пространстве. Молодым людям, в рамках исследовательского дизайна, был предложен выбор партий, которые, по их мнению, отражают интересы молодежи и с которыми они солидарны, и напротив, не солидарны, по причине не ориентации на проблемы молодежи. Такая оценка позволила построить рейтинг партий по показателю солидарности с ними молодых людей (Рисунок 6).

Тот факт, что негативные оценки, связанные с отсутствием внимания у ведущих партий к интересам молодежи, преобладают над положительными оценками, заставляет еще раз обратить внимание на контент предвыборных программ и презентаций. Лидерами

положительных оценок, которые получены от 24% молодежи, становятся партия «Единая Россия» и партия «Новые люди» – у этой партии единственной из всего списка положительные оценки доминируют над отрицательными. Также 20,7% солидарны с партией ЛДПР и 16,7% с партией «Справедливая Россия – За правду». Остальные партии получают менее 15% положительных оценок. Лидерами отрицательных оценок становятся партии КПРФ, «Единая Россия», партия пенсионеров и «Коммунисты России».

Демонстрацией моделей политического поведения, сформированного под воздействием политической культуры и в результате политической самоидентификации, становится отношение к политической активности, политические стратегии и собственно оценка и использование политических практик в повседневной жизни и в рамках политического выбора.

Свои возможности влиять на политику молодежь оценивает не просто не высоко, а скорее низко, причем при повышении уровня управления они уменьшаются: так, если на уровне города свое влияние оценивают, как низкое 44,7%, то уже на уровне региона 51,5%, на уровне Федерации – это уже 61,4%. Высокий уровень влияния в оценках молодежи падает с 22,7% на локальном уровне до 11,6% на федеральном.

Пессимистичная оценка возможности влияния на политику основана в том числе и на опыте политического участия молодежи. Так, масштабное участие наблюдается только в выборных мероприятиях (непосредственно голосование) (58,1%). Все остальные мероприятия, по включенности молодежи в них, практически не превышают 10% участия (исключение составляют политические флешмобы и избирательные компании, где молодежь обычно выступает в роли статистов).

Солидарность молодежи с партиями России
/ Solidarity of youth with Russian parties

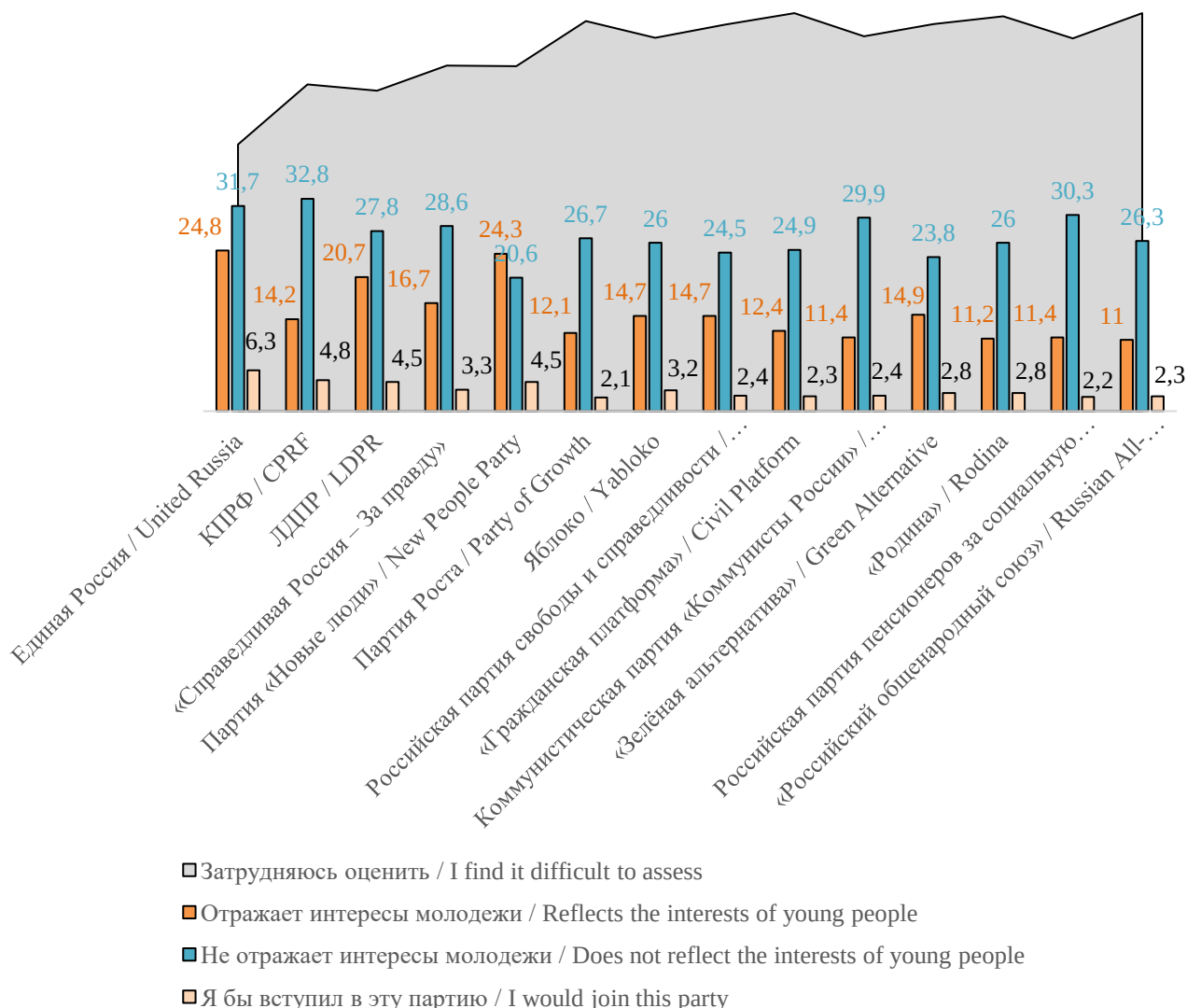

Рисунок 6. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько основные политические партии России выражают Ваши интересы и насколько Вы солидарны с ними?»

Figure 6. Respondents' answers to the question: "To what extent do the main political parties of Russia express your interests and to what extent are you in solidarity with them?"

Порядка 9% принимали участие в политических клубах, кружках, референдумах, дебатах и дискуссиях – 5% от их числа входят в группу политически включенной молодежи, они же более других представлены и в ответах об участии в деятельности политических партий. Протестный опыт включил в себя

представителей молодежи разного политического статуса.

Политические стратегии, представленные в ответах молодежи, показывают, что они не так уж важны и большая часть молодежи не включает их в обязательный реестр своей жизни. Наиболее важным для 30% молодежи становится обязательное участие в

выборах и референдумах и повышение своей политической активности и информированности для 21,1%. Участие в избирательных компаниях, как обязательное поведение в дальнейшем, планируют 17,0%, по 14% хотели бы

выдвинуть свою кандидатуру на выборы в качестве депутата и принять участие в протестных акциях. 13,6% видят себя в должности мэра или губернатора, хотя при этом менее 12% хотели бы вступить в партию (Рисунок 7).

Политические стратегии молодежи / Political Strategies of Youth

Рисунок 7. Ответы респондентов на вопрос:
«Какая из перечисленных позиций вам ближе всего?»

Figure 7. Respondents' answers to the question: "Which of the listed positions is closest to you?"

Разные молодежные группы демонстрируют определенные акценты в выборах обязательных политических стратегий. Так, деревенская молодежь и учащаяся молодежь более других желают стать политически продвинутыми, включиться в политическую повестку, участвовать в избирательных компаниях, представить свою кандидатуру в качестве депутата, губернатора, мэра. И, если для учащейся молодежи данный перевес связан скорее с возрастными особенностями, то для деревенской молодежи такая специфика может определять ориентацию на социальную

мобильность – стратегию выхода на более высокий социальный уровень, включение «социального лифта» в политической сфере.

Политические стратегии молодежи поднимают вопрос о возможности создания молодежных политических организаций, в том числе молодежных партий. 61,2% дали однозначно положительный ответ о включении в такого рода политическую перспективу, при этом почти четверть молодых людей готовы вступить и активно участвовать в деятельности такой партии, остальные готовы отдать свой голос за нее. 15,0% не

верят в конкурентоспособность такой партии.

Факторный анализ открытого вопроса об ориентирах такой партии, позволил определить основные группы вопросов, которые она могла бы решать: к числу таких можно отнести вопросы, связанные напрямую с проблемами и потребностями молодежи; вопросы образования и повышения его конкурентоспособности; вопросы внутренней политики, в том числе безопасности, качества жизни; вопросы справедливости, равенства, борьбы с коррупцией. По сути, так как в большинстве случаев молодежь указывает конкретно один из акцентов, это могли бы быть четыре молодежные партии с непересекающимися программами.

Отношение к электоральным технологиям в молодежной среде помогает понять факторная модель принятия решения об участии в выборах. Преимущественные факторы выбора получены по положительным решениям участия, среди них приоритетными становятся гражданская позиция участия (44,5%), надежда на улучшение ситуации (41,9%), возможность повлиять на жизнь в стране (31,4%). Порядка 20% считают, что своим участием могут помочь конкретному кандидату или партии, а также, что их голосом смогут воспользоваться, если они не придут на выборы. Отрицательные решения также имеют рейтинг своих причин – так, ведущими причинами, к которым апеллируют порядка 10% молодежи, стали отсутствие веры, что их голос что-то может изменить, веры в честные выборы и уверенность в формальности выборных технологий. 7-9% указали причины связанные с отсутствием информации о кандидатах голосования, недоверие к их предвыборным обещаниям и отсутствие достойных кандидатур. Таким образом, положительное решение поддержки выборных технологий для молодежи связаны более с потребностью в

гражданском участии, а отрицательные – с недоверием к самой электоральной технологии.

Заключение (Conclusions). По итогам исследования могут быть сделаны определенные выводы о показателях политической культуры молодежи российского приграничья. Уровень политической культуры региональной молодежи на пороге геополитического кризиса был низок: молодежь критично оценила свои знания и понимание политических процессов, свое политическое участие в них и способность вести политический диалог. Опираясь на данные последних исследований (не опубликованных на данный момент), можно сказать, что этот уровень не сильно изменился. В условиях политической турбулентности, группа, демонстрировавшая приверженность и интерес к оппозиционной коммуникации, составила группу молодежи, не принявшей политическую трансформацию.

Не включенность молодежи в политическую повестку, ее политическая пассивность, обусловила ситуацию политической дезориентации, которая спровоцировала последующую деформацию и миграцию молодежи. Неопределенность политической позиции оказала сильное воздействие на горизонт жизненного планирования, и вообще на все стратегии молодежи – краткосрочное планирование повысило риск ошибки в жизненно-важных решениях, связанных с трудовыми, матримониальными, образовательными, самосохранительными и экономическими стратегиями молодежи.

Центрированность на качестве жизни и безопасности в разрезе политических ценностей создало факторную основу принятия решений, которая активировалась в ситуации повышенного риска среды – все факторные модели жизненного планирования молодежи региона в первых позициях зафиксировали фактор безопасности, что в условиях идеологических войн, морально-

нравственных решений и необходимости политической идентификации, создало рисковое пространство подверженности внешнему воздействию для молодежи. Стремление к качеству жизни увеличило миграционные процессы, изменив структуру регионального человеческого капитала.

Есть отдельная тема, связанная с жизненными стратегиям молодежи, привлекающая наше внимание и обозначающая зону определенного риска – при низком интересе к политическим процессам, низкой включенности в политическую активность, существует достаточно значимая группа молодежи, которую привлекает политическая карьера (13-14%). В ситуации признания низкого уровня политической культуры по всем показателям, но при мотивированности использования данной формы социальной мобильности в качестве социального лифта, политический профиль возможных молодых политиков может вызывать серьезные опасения, в том числе и по мотивам, вовлекающим их в политическую деятельность. Данные опасения усугубляются ситуацией политического кризиса и неопределенности, где политическая культура лидеров (даже молодых) начинает играть решающую роль в разрешении конфликтов и достижении компромиссов.

Таким образом, показатели политической культуры молодежи на рубеже геополитических перемен спровоцировали риски, часть из которых реализовалась в пространстве региона, и привела к серьезным последствиям, связанным с изменением характеристик регионального человеческого капитала, возможностью реализовать программы стратегического развития региона. Невнимание к политической культуры молодежи со стороны социальных институтов (прежде всего образования и воспитания) дает основу для формирования все новых рисков в условиях современной реальности,

последствия которых могут быть не настолько отсроченными. В это связи, необходим не просто мониторинг показателей политической культуры региональной молодежи, но и разработка программ ее формирования и повышения уровня для всей молодежи, и, отдельно, для молодежи, имеющей политические амбиции, для молодых политических лидеров и активистов.

Список литературы

Акаев Д. В. Трансформация политической культуры молодежи: роль интернет-коммуникаций // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57). С. 153-158. EDN: XHLIWD.

Бухнер А. А. Политическая культура молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник Международного института рынка. 2017. № 1. С. 57-64. EDN: YPRWLF.

Вилков А. А., Богданов А. В. Традиционализм и модернизм в политической культуре студенческой молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, № 4. С. 68-74. DOI: 10.18500/1818-9601-2011-11-4-68-74. EDN: ONTLFH.

Вицентий И. В. Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 76-81. EDN: SLIZIT.

Долинина И. Г. Сознание и поведение молодежи в контексте гражданской политической культуры // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1. С. 162-170. EDN: NCUZQN.

Долинина И. Г. Динамика развития политической культуры // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 113-118. EDN: NCDGPP.

Колпаков В. В. Влияние интернет-технологий на формирование политической культуры российской молодежи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 122-132. EDN: ZXWYCX.

Кудрявцева Е. Э. Политическая культура студенческой молодежи в современном

российском обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6 (45). С. 97-102. EDN: RIJODG.

Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) / Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андрианова Е. В., Худякова М. В., Шаповалова И. С. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9. EDN: VYDKQJ.

Погосян Л. А., Гражданкина Л. Ю. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4 (43). С. 293-295. EDN: SKHKVX.

Пожидаева Э. О., Телин К. О. Политическая культура как фактор стабильности политической системы // Вестник Московского университета. Сер. 12: Полит. науки. 2016. № 1. С. 91-106. EDN: VNFNEV.

Сафонова А. С. Структура и особенности формирования политической культуры современной молодежи // Перспективы науки. 2015. № 4 (67). С. 88-92. EDN: UCBXIZ.

Тульчинский Г. Л. Перспективы российской политической культуры // Социально-политические науки. 2014. № 4. С. 11-15. EDN: TFBYUP.

Умарова А. А. Особенности современного состояния молодежной политической культуры в России // Новые технологии. 2011. № 1. С. 190-193. EDN: NQUVRR.

Чекмарёв Э. В., Дорофеева Е. С. Социально-национальное самосознание как стержень политической культуры молодежи // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 1 (30). С. 226-231. EDN: OXURGT.

Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 39-45. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45. EDN: RHTLHO.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Политическое мышление и политические

стратегии молодежи // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 4 (117). С. 589-605. DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605. EDN: FAQCJM.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2 (107). С.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Факторные модели принятия политических решений и выбора молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 71-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-7. EDN: NHRXPI.

Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Политическая социализация и идентичность в условиях трансформации российского общества // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 6. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.724. EDN: RWWZHV.

Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Национально-культурная идентичность в контексте философской традиции диалога культур // NB: Философские исследования. 2013. № 10. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848. EDN: RWBKHN.

Reference

Akaev, D. V. (2016), "Transformation of the political culture of youth: the role of Internet communications", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, (6), 153-158, EDN: XHLIWD. (In Russian)

Bukhner, A. A. (2017), "Political culture of youth as a factor in the development of civil society", *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*, (1), 57-64, EDN: YPRWLF. (In Russian)

Vilkov, A. A., Bogdanov, A. V. (2011), "Traditionalism and modernism in the political culture of student youth in modern Russia", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 11 (4), 68-74, DOI: 10.18500/1818-9601-2011-11-4-68-74, EDN: ONTLFH. (In Russian)

Vitsentiy, I. V. (2014), "Political culture of students: based on the results of the study of the Murmansk region", *Mezhdunarodny zhurnal issledovany kultury*, (1), 76-81, EDN: SLIZIT. (In Russian)

Dolinina, I. G. (2011), "Consciousness and behavior of young people in the context of civil political culture", *Sotsialno-gumanitarnye*

znaniya, (1), 162-170, EDN: NCUZQN. (In Russian)

Dolinina, I. G. (2010), "Dynamics of development of political culture", *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, (4), 113-118, EDN: NCDGPP. (In Russian)

Kolpakov, V. V. (2017), "The influence of Internet technologies on the formation of the political culture of Russian youth", *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly*, (4), 122-132, EDN: ZXWYCX. (In Russian)

Kudryavtseva, E. E. (2014), "Political culture of student youth in modern Russian society", *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*, (6), 97-102, EDN: RIJODG. (In Russian)

Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kienko, T. S., Tarasova, A. N., Andrianova, E. V., Khudyakova, M. V., Shapovalova, I. S. (2022), "Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022)", *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 8 (3), 116-136, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9, EDN: VYDKQJ. (In Russian)

Pogosyan, L. A., Grazhdankina, L. Yu. (2014), "Political culture as a factor in the formation of social activity of young people", *Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta*, (4), 293-295, EDN: SKHKVX. (In Russian)

Pozhidaeva, E. O., Telin, K. O. (2016), "Political culture as a factor in the stability of the political system", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Polit. nauki*, (1), 91-106, EDN: VNFNEV. (In Russian)

Safonova, A. S. (2015), "Structure and Features of Formation of Political Culture of Modern Youth", *Perspektivy nauki*, (4), 88-92, EDN: UCBXIZ. (In Russian)

Tulchinsky, G. L. (2014), "Prospects of Russian Political Culture, *Sotsialno-politicheskie nauki*", (4), 11-15, EDN: TFBYUP. (In Russian)

Umarova, A. A. (2011), "Features of the Current State of Youth Political Culture in Russia, *Novye tekhnologii*, (1), 190-193, EDN: NQUVRR. (In Russian)

Chekmarev, E. V., Dorofeeva, E. S. (2012), "Social and National Identity as the Core of Youth Political Culture", *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*, (1), 226-231, EDN: OXURGT. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2022), "Political strategies of youth: will our politics be young?"

Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya, 22 (1), 39-45, DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45, EDN: RHTLHO. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Valieva, I. N. (2024), "Political thinking and political strategies of youth", *Integratsiya obrazovaniya*, 28 (4), 589-605, DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605, EDN: FAQCJM. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Valieva, I. N. (2022a), "Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites", *Integratsiya obrazovaniya*, 26 (2), 345-362, DOI: 10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362, EDN: VWPPZY. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Valieva, I. N. (2022b), "Factor Models of Political Decision-Making and Youth Choice", *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 8 (4), 71-88, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-7, EDN: NHRXPI. (In Russian)

Shchuplenkov, O. V., Shchuplenkov, N. O. (2013a), "Political socialization and identity in the context of transformation of Russian society", *NB: Problemy obshchestva i politiki*, (6), DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.724, EDN: RWWZHV. (In Russian)

Shchuplenkov, O. V., Shchuplenkov, N. O. (2013b), "National-cultural identity in the context of the philosophical tradition of dialogue of cultures", *NB: Filosofskie issledovaniya*, (10), DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848, EDN: RWBKHH. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 07 июня 2025 г.
Поступила после доработки 02 сентября 2025 г.
Принята к печати 10 сентября 2025 г.
Received 07 June 2025. Revised 02 September 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Савеличева Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Irina N. Savelicheva, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.